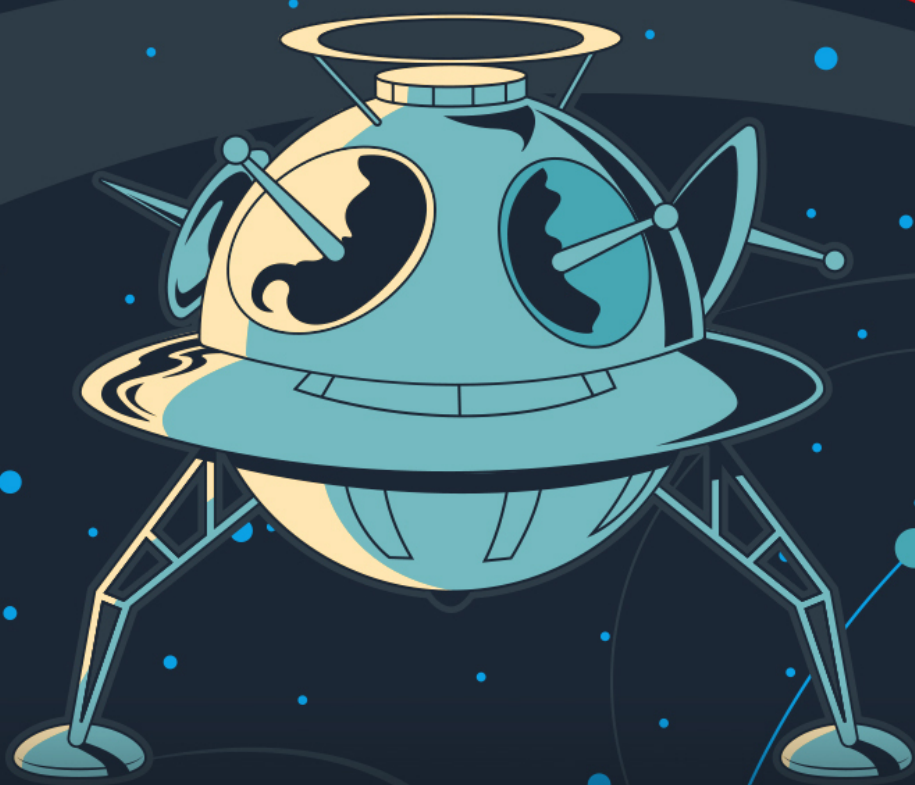

Кир Булычев

АГЕНТ КФ

Андрей Брюс

Кир Булычев

Агент КФ

«ЭКСМО»

1984

Булычев К.

Агент КФ / К. Булычев — «Эксмо», 1984 — (Андрей Брюс)

ISBN 5-699-12333-9

Планета Пэ-У лишь недавно вступила в Галактический центр и ее пока считают отсталой цивилизацией. Здесь все еще существуют кланы и действуют законы кровной мести. Но обитатели Пэ-У не так просты как может показаться. И желание одного из них добиться власти оборачивается захватом космического корабля и полетом к соседней планете, где некогда жили могущественные Ар-Анцы...

ISBN 5-699-12333-9

© Булычев К., 1984

© Эксмо, 1984

Кир Булычев

Агент КФ

Археолог Фотий ван Кун был счастлив. Ощущение счастья не зависит от масштабов события. Много лет ожидаемая победа, завершение бесконечного труда, окончание длительного путешествия могут вызвать усталость или даже разочарование. Неожданная мелочь может переполнить человека счастьем.

Фотий ван Кун шел в гостиницу по улице Трех Свершений. За последние четыре дня этот путь, короткий и прямой, стал ему хорошо знаком и привычен. Десять минут неспешной ходьбы в тени домов, нависающих над пешеходом, как тыквы над муравьем. Генеральный консул Ольсен, маленький, толстый, вежливый эрудит, называл этот город огородом для великанов. «Этот тип жилища, – объяснил он Фотию ван Куну, – сложился здесь исторически. В период клановой вражды. Очень трудно штурмовать яйцо, поставленное на острый конец или поднятое на сваях. Поэтому и окна пробиты на высоте пяти метров, не ниже».

Раньше тыквы ярко раскрашивали в цвета клана, теперь в городах, где понятие клана отмирало, – согласно моде.

Высоко над головой тыквы почти соприкасались боками, и потому внизу, на мостовой, всегда были тень и прохлада. Когда ван Кун попадал на перекресток, солнечный жар ударял в лицо, и, подобно прочим пешеходам, Фотий ван Кун спешил в тень очередного дома. Он попал в город в самый жаркий период и после прохладной мрачности раскопок на Ар-А никак не мог привыкнуть к пыльной духоте. Особенно тяжело было в гостинице. Гостиница была построена в соответствии с требованиями времени и в расчете на туристов из иных миров. Она казалась чемоданом, забытым посреди арбузов. Кондиционирование в ней не работало, и если в традиционных домах двойные стены сохраняли тепло в холода и прохладу летом, то зеркальные плоскости гостиницы превращали ее в накопитель солнечного тепла. Лучший номер в гостинице, выделенный археологу, был одновременно и самым жарким местом в городе.

Возвращаясь в гостиницу, чтобы переодеться и принять душ перед лекцией, Фотий ван Кун с ужасом представлял себе, как он войдет в раскаленные анфилады залитых солнечным светом покоев, и в этот момент он увидел магазин.

В магазины, как и в дома, надо было забираться по крутой лестнице. Разглядывая вывеску, приходилось запрокидывать голову. И чтобы избавить покупателей от такого неудобства, торговцы выкладывали образцы товаров на мостовую, у основания лестницы. Разумеется, не самые ценные.

Фотий ван Кун уже несколько раз проходил мимо этой лавки. Но раньше он либо спешил, либо был окружен местными учеными, так что, видя образцы товаров, он их не замечал.

А сейчас остановился перед сделанной из папье-маше куклой в старинном костюме из птичьих перьев. Кукла глядела из ярко раскрашенной глиняной вазы. Фотий ван Кун догадался, что в этой лавке торгуют сувенирами. А так как археолог не был лишен любопытства, он поднялся по узкой лесенке, распахнул нависшую над ним плетенную из тростника дверь и ступил в круглое помещение.

При виде гостя хозяин лавки в знак почтения тут же натянул на голову серебряную шапочку и широким жестом сеятеля показал на большую таблицу-разговорник, прибитую к стене. Крайний правый столбец не очень грамотно изображал перевод нужных слов на космолингву.

Кивнув продавцу, ван Кун начал разглядывать товары на полках. Полный набор для охотника за сувенирами. Куклы, горшочки и вазы, игрушки из птичьих перьев, мраморные и аметистовые шарики для гадания, шерстяные циновки и коврики с узорами из бисера, шары, чтобы думать, старинные топоры с некогда ядовитыми шипами, золотые яйца черепах и шлемы

из панцирей тех же черепах, шлепанцы для встречи гостей и сандалии для торжественных проводов, сумочки для любовных поэм, хрустальные с нефритовыми зрачками «глаза ласки», наборные посохи, семейка неизвестно как попавших сюда макетиков Эйфелевой башни, коллективные курильницы, схожие с дикобразами... Многие из этого ван Кун видел на базаре, куда его за день до того водил консул Ольсен, и, обладая хорошей памятью, запомнил функции этих предметов.

Ван Кун медленно шел вдоль полок, понимая, что раз он заглянул сюда, то должен что-то купить, чтобы не оскорбить продавца (это ему тоже объяснил Ольсен). Иначе продавцу придется делать подарок несостоявшемуся покупателю. Он искал глазами что-нибудь не очень крупное, совершенно необычное и желательно полезное. Ван Кун был рациональным человеком.

И тут на нижней полке он увидел игрушечных солдатиков. И в этот момент Фотия ван Куна охватило ощущение счастья.

Улетая много лет назад с Земли, он оставил там большую, одну из лучших на Земле коллекцию игрушечных солдатиков. С тех пор ему не удавалось побывать дома, потому что жить приходилось в Галактическом центре, оттуда и летать в экспедиции – Земля слишком далека от Центра, и если ты избрал своим ремеслом космическую археологию, то на Землю ты, вернее всего, попадешь лишь к пенсии. Но страсть к собиранию солдатиков у ван Куна не проходила. К сожалению, искусство изготовления игрушечных солдатиков слабо развито в Галактике, и даже на весьма цивилизованных планетах о них и не подозревают. Ван Кун научился отливать их из олова и раскрашивать. Он проводил немало времени в музеях и на военных парадах, фотографируя и рисуя. Если на раскопках попадалось погребение воина, вызывали ван Куна. За двадцать лет его новая коллекция достигла тринадцати тысяч единиц, и если воссоединить ее с той, что осталась на Земле, то, безусловно, Фотий ван Кун стал бы обладателем самой представительной в Галактике коллекции солдатиков.

И вот, прилетев на несколько дней на Пэ-У с раскопок на Ар-А, планете в той же системе, будучи бесконечно занят, Фотий ван Кун заходит в лавку сувениров и видит на полке отлично исполненных солдатиков.

Скрывая душевный трепет, Фотий ван Кун подошел к таблице-разговорнику и провел пальцем от слов «Сколько стоит?» к соответствующей фразе на местном языке.

Продавец ответил длинной тирадой, из которой Фотий ван Кун не понял ни единого слова. Тогда ван Кун нагнулся, взял с полки солдатика и показал его продавцу. Продавец крайне удивился, словно никто из приезжих никогда не покупал солдатиков в его лавке, и, взяв с полки блестящий, переливчатый «шар, чтобы думать», протянул его ван Куну, полагая, что лучше покупателя знает, что тому нужно.

Ван Кун отыскал в таблице слово «нет».

Продавец с сожалением положил шар на место, подошел к таблице и показал на цифру в левом столбце. Ван Кун проследил глазами ее эквивалент в правом столбце и понял, что солдатик стоит дорого. Восемь элей. Столько же, сколько коврик из птичьих перьев или обед в приличном ресторане. Он очень удивился, но потом рассудил, что ценность вещи определяется сложностью ее изготовления. А солдатик был очень тщательно сделан. Он был отлит из какого-то тяжелого сплава, а размером чуть превышал указательный палец. Его латы были изготовлены из кусочков медной фольги, плащ сшит из материи, а на маленьком личике и обнаженных руках тонкой кистью была наведена боевая татуировка. Ван Кун мысленно прикинул, сколько у него с собой денег. В конце концов, они ему не нужны. Завтра должен прилететь «Шквал» из Галактического центра с оборудованием и припасами для экспедиции. По крайней мере, мрачный представитель Космофлота Андрей Брюс твердо заверил, что корабль идет без опоздания. «Шквал» захватит с собой ван Куна и затем спустит его на катере на Ар-А. Неизвестно, побывает ли ван Кун вновь на Пэ-У. Вернее всего, никогда. А солдатики одеты в цвета кланов

– это уже история, это уже забывается. Лишь в горных княжествах сохранились такие плащи. Да и традиционное оружие: духовые трубки, топоры с отравленными остриями, раздвоенные кинжалы – все это постепенно переходит в музеи. Или теряется, потому что мы всегда куда лучше бережем отдаленное прошлое, чем реалии вчерашнего дня.

Всего солдатиков на полке было штук шестьдесят. Все разные. Даже солдатики одного клана различались оружием и доспехами. Если взять все деньги, что хранятся в гостинице, то хватит.

Как настоящий коллекционер, привыкший не испытывать судьбу, ван Кун достал кошелек и выяснил, что с собой у него есть тридцать три эля. То есть можно было купить четырех солдатиков.

Ван Кун отобрал четырех солдатиков в наиболее характерной одежде, осторожно отнес их на прилавок и положил рядом тридцать два эля.

Тут он заметил, что продавец явно напуган.

– В чем дело? – спросил ван Кун. Времени у него уже было в обрез. Через полчаса его ждут в Школе Знаний.

Продавец ответил непонятной тирадой, отделил одного из солдатиков, затем взял восемь элей и остальные деньги отодвинул ван Куну.

– Ну уж нет, – сказал ван Кун, который был упорным человеком. – Это честные деньги, мне ничего лишнего не надо. Сейчас вернусь, возьму остальных. – И он показал жестом, что намерен забрать всех солдатиков.

Неизвестно, понял ли его продавец, но в конце концов он забрал деньги, достал коробочку, устланную птичьим пухом, положил туда солдатиков, закрыл сверху бумагой. Он спешил и старался не смотреть на покупателя.

Ван Кун отыскал в таблице слово «спасибо», произнес его и, осторожно неся коробочку, пошел к выходу. От тростниковой двери обернулся и увидел, что продавец уже снял серебряную шапочку и вытирает ею лоб.

– Скоро вернусь, – сообщил ему ван Кун.

* * *

Фотий ван Кун был счастлив.

Счастье коллекционера – совершенно особый вид радости, доступный далеко не всем. Чувство это в чистом виде бескорыстно, так как настоящий коллекционер с одинаковой интенсивностью будет радоваться приобретению грошовому или бесценному – важна не стоимость, а факт обладания. Не так много нашлось бы в Галактике людей, способных разделить радость ван Куна. Но такие люди существовали, хоть и разделенные световыми годами пути. Ван Кун, не замечая пыли, висящей над городом, раскаленных пятен света, встречающих прохожих, глядевших на него как на экзотическое существо, спешил к гостинице. Если бы разумный человек сказал ему, что солдатики, стоящие в магазине, никуда не убегут и их можно отлично купить вечером, а то и завтра, ван Кун бы даже не улыбнулся, и, несмотря на то, что он был нормальным, лишенным излишней мнительности человеком, он бы ускорил шаги, заподозрив вас в желании перекупить солдатиков.

Строя в воображении трагические картины, в которых безликий и безымянный конкурент уже входит в лавку, чтобы скупить солдатиков, ван Кун промчался по холлу гостиницы, пробежал два пролета лестницы вверх (лифт пока не работал), вспомнил, что не взял у портье ключ, вернулся обратно, снова вознесся по лестнице на четвертый этаж, задыхаясь, обливаясь потом, повернул ключ, вбежал в номер, осторожно положил на кровать коробку с солдатиками, начал быстро раздеваться, чтобы принять душ. При этом он продвигался к письменному столу, чтобы достать оттуда деньги.

Он выдвинул верхний ящик. И удивился. Кто-то основательно покопался в ящике письменного стола.

Будучи аккуратистом, Фотий ван Кун принадлежавшие ему вещи всегда раскладывал так, чтобы разделяющие их линии были строго вертикальны. Говорят, что однажды, на межзвездной археологической базе Афины-8, он упал в обморок, потому что на стене, вне пределов его досягаемости, криво висела репродукция с какой-то картины. Полчаса Фотий ван Кун глядел на нее, не отрываясь, все более бледнея, а затем с ним приключился обморок.

Тренированному глазу Фотия ван Куна достаточно было мгновения, чтобы понять: в его бумагах рылись, и некто, складывая их обратно, не смог соблюсти прямых линий между папками и листами. Более того, преступник выкрал бумажник с деньгами и документами археолога. И, что было для Фотия самое неприятное, разворошил и рассыпал заветную коробку с лекарствами.

В иной ситуации Фотий ван Кун внимательно бы изучил, не исчезло ли что-либо еще, вызвал бы администратора гостиницы, позвонил бы по громоздкому синему, похожему на старинную швейную машинку телефону в генеральное консульство. Но в тот момент Фотия ван Куна огорчила лишь пропажа денег и, следственно, провал операции «Солдатики». Фотий ван Кун подумал, не оставил ли он бумажник в куртке, которую надевал вечером, когда было прохладно. Он раскрыл стенной шкаф. Куртка валялась на дне шкафа. Бумажника в ней не оказалось.

Ирреальная надежда найти деньги заставила археолога потерять еще несколько минут, ползая под кроватью, обыскивая ванную и прихожую. Везде он наталкивался на следы неумелого, неаккуратного, спешного, но дотошного обыска.

В конце концов Фотий ван Кун вынужден был отказаться от надежды найти бумажник. Он проклял эту планету, проклял свою страсть к солдатам и понял, что до начала его заключительного выступления в Школе Знаний осталось всего семь минут.

Фотий ван Кун был пунктуальным человеком и не выносил опозданий. В течение шести минут ему надо было переодеться (о душе уже и речи не шло), добежать до Школы Знаний и желательно заскочить в магазин сувениров и объяснить продавцу, что завтра же он раздобудет денег и купит остальных солдатиков, так что, «пожалуйста, не продавайте их никому».

Переодевался Фотий ван Кун так быстро, что не осталось времени толком подумать. Правда, ван Кун предположил, что стал жертвой грабителей, которых, как он слышал, здесь немало. Государство лишь сравнительно недавно выбралось из темной эпохи враждующих кланов, а первые заводы, школы, первое централизованное правительство возникли чуть более века назад. Так что планета Пэ-У влетела в космическую эру, еще не успев пережить до конца свое социальное детство. В окружающих столицу горах, на островах в океане, в иных небольших государствах все еще царили обычаи варварства, и стихия первобытных отношений порой, как прибойная волна на излете, хлестала по новому миру городов. Галактический центр отнес Пэ-У к мирам ограниченного контакта, и отношения с планетой должны были строиться крайне осторожно, без вмешательства в процесс ее естественного развития.

Правда, в истории Галактического центра уже не раз возникали сложные коллизии с этим ограниченным контактом. Но панацею на все случаи жизни отыскать нельзя.

Как нетрудно предположить, в сложном немирном организме Пэ-У возникли силы, желавшие добиться преимущества, опираясь на Галактический центр, на его громадные возможности, на достижения его науки и технологии. Этим силам хотелось куда большего участия Галактики в делах планеты. Уже одежды первых космонавтов, прибывших на Пэ-У, уже интерьеры их кораблей, приборы и машины, которыми пользовались пришельцы, давали достаточно пищи для рассуждения и, скажем, зависти. От этого возникала и обида. Когда-то у оставшихся в каменном веке папуасов Новой Гвинеи был странный обряд. Они, памятуя о том, сколько ценных и интересных вещей им удавалось отыскать на упавших во время войны само-

летах, уже после нее строили самолеты из дерева и бамбука, надеясь таким образом подманить настоящий самолет.

Фотию ван Куну была известна история, происшедшая лет за тридцать до этого совсем на другой планете. Там местные жители захватили врасплох галактический корабль, перебили его команду и растащили содержимое. Сам же корабль был водружен на постамент в качестве космического божества.

Но чем активнее на планете типа Пэ-У становились сторонники контактов и заимствований, тем энергичнее действовали изоляционисты. Они утверждали, что присутствие людей из Галактического центра таит реальную и неотвратимую угрозу образу жизни, освященному столетиями. И полагали, что если удастся изгнать внешнюю угрозу, то жизнь вернется к законам золотого века. Забывая при этом, что до прилета корабля золотого века не было и что, даже если на планете не останется ни одного человека из Галактического центра, непоправимое уже свершилось: жизнь на планете никогда не будет такой, как прежде. А те, кто стремится к контакту, рано или поздно возьмут верх.

В то время, когда Фотий ван Кун прилетел на Пэ-У, там царило определенное равновесие, поддерживаемое не без влияния Галактического центра. На планете находилось генеральное консульство Центра, было представительство Космофлота и даже космодром. Студенты из Пэ-У учились вне планеты, группа медиков из Центра изучала эпидемические заболевания и обучала коллег бороться с ними... в общем, «ограниченный контакт». В надежде на экспертов и туристов была сооружена громадная кубическая гостиница. Ее единственным жильцом, не считая редких местных туристов, для которых ночевка в гостинице была экзотическим приключением, и оказался археолог Фотий ван Кун. Гостиница была подобна бамбуковой копии самолета – вода в ней текла еле-еле, лифты не работали, из щелей дул горячий ветер, и генеральный консул, милейший Ольсен, предупреждал приезжих, чтобы ни в коем случае там не селились. Обычно его все слушались и останавливались либо в обычной старой гостинице, либо в консульстве. Но Фотий ван Кун был гостем Школы Знаний и личностью настолько видной, что пришлось отдать его на престижное растерзание.

Фотий ван Кун отлично знал, что в городе обитают не только мирные обыватели, но и воры, разбойники и убийцы, что по ночам у озерных причалов и в темных кварталах, перенаселенных беженцами с гор, сражаются банды и стражники туда не заглядывают. Так что, расстроившись из-за кражи, он не очень удивился и как разумный человек размышлял, у кого бы одолжить денег на солдатиков – у консула или у Брюса?

За две минуты он успел стащить с себя потную, пропылившуюся холщовую куртку, широкие, юбочкой, белые шорты – мода прошлого десятилетия, удобная на раскопках и в жарких местах, легкие золотистые сандалии, купленные на базаре в Паталипутре. Еще минута ушла на то, чтобы достать из шкафа сброшенный грабителем, чуть помятый, но вполне приличный фрак с пышными плечами, серые лосины, матовые черные туфли с чуть загнутыми носками, серебристого цвета сорочку с пышным жабо (официальная мода консервативна). Разумеется, Фотию ван Куну не пришлось в голову тащить с собой на раскопки, а оттуда в Пэ-У вечерний наряд – консул Ольсен выдал ему этот набор вчера. У консула в специальной кладовой стояла длинная, костюмов на пятьдесят, стойка, отчего кладовая была похожа на старомодный магазин. Добрейший Ольсен был блюстителем этикета – не из каприза – в клановом обществе Пэ-У вопросы этикета занимали очень важное место. И профессор из Центра, читающий официальную лекцию в Школе Знаний, обязан соответственно одеваться.

Фотий ван Кун успел взглянуть в кривое, плохо отшлифованное зеркало и показался себе, несмотря на сдержанность тонов своего одеяния, похожим на экзотическую птицу.

Он уже готов был бежать, но вспомнил, что обещал консулу прикрепить к лацкану знак Археослужбы – золотые буквы КАС на фоне серебряного Парфенона. Это заняло еще тридцать

секунд. Поиски папки с планами раскопок, оказавшейся под столиком, – еще двадцать секунд. Папка была тоньше, чем утром, но Фотий ван Кун этого не заметил.

Бег вниз по лестнице – тридцать три секунды.

Поскользнулся на пахнущем керосином паркете – балансировал на грани падения – четыре секунды.

Влетел в дверь ресторана и размышлял, где же дверь на улицу, – двенадцать секунд.

Выскочил на улицу, задохнулся от ослепительной жары.

Оранжевое солнце уже садилось и било прямо в лицо, золотя и пронзая столбики пыли.

Фотий ван Кун понял, что забыл накинуть короткий плащ, имевший какое-то символическое значение в лабиринтах этикета, чуть было не кинулся обратно в гостиницу, но удержался. Хотел было остановить парного рикшу – муж крутил педали, жена бежала сзади, держа опахало, но вспомнил, что у него нет денег. Рикша остановился, глядя выжидательно на удивительное существо в черном одеянии, означающем в некоторых кланах смертную месть. Видно, вспомнив об этом, рикша нажал на педали, жена засеменила сзади. Впоследствии рикша внес свою долю путаницы в это дело, показав страже, что Фотий ван Кун был вооружен и совершал руками характерные для мстящего жесты ярости. В памяти рикши образ человека в черном дополнился недостающими, но обязательными деталями кровавого ритуала. Его жена могла бы точнее рассказать о Фотии ван Куне, но ее, разумеется, никто не спрашивал, так как показания простолюдинки юридической силы не имеют.

Разлучившись с рикшей, Фотий ван Кун побежал по улице, стараясь скорее достичь спасительной тени гигантских арбузов. Ему было очень жарко, и он задыхался в несколько разреженном по земным меркам воздухе Пэ-У. Шесть минут уже истекли, и он опаздывал.

Еще на секунду Фотий ван Кун задержался у магазина сувениров. Он разрывался между необходимостью спешить и желанием подняться по лестнице и уговорить продавца, чтобы тот не продавал солдатиков до завтра.

Продавец видел Фотия ван Куна сквозь щели в тростниковой двери, но не пригласил покупателя внутрь, потому что был напуган предыдущими действиями ван Куна. Теперь же, увидев его в черном костюме, он быстро отступил назад и спрятался за прилавок.

Поэтому он не увидел того, что мог бы увидеть, останься у двери.

В этот момент Фотий ван Кун находился в глубокой тени под нависшим боком дома-тыквы. Улица была пуста. Предзакатный час – самый жаркий и пыльный в городе, и прохожих на улице не было.

Фотий ван Кун ни о чем не догадался, потому что его ударили дубинкой сзади. Желтой костяной дубинкой, какими обычно вооружены горцы.

Удар был сильным, и Фотий ван Кун ничего не успел понять.

* * *

От агентства до космодрома было чуть больше часа езды. Более-менее пристойный космодром был сооружен лет двенадцать назад, но вот дорогу к нему, что должны были взять на себя городские власти, так и не сделали.

По сторонам, уменьшаясь к окраинам и редая, тянулись полосатые дома-дыни с маленькими треугольниками окошек – будто кто-то проверял, спелые ли дыни. Из окон торчали длинные шесты с развешанным на них бельем. Старый космофлотский фургончик подпрыгивал на кочках, рыжая пыль застилала окна. Торговцы, сидевшие вдоль дороги, были рыжими, и их товар тоже был рыжим.

Чистюля ПетриА задвинула окошко, стало еще жарче, но пыль все равно проникала внутрь и скрипела на зубах.

– Вы обещали вызвать мастера, чтобы починить кондиционер в фургоне, – сказал Андрей Брюс своему заместителю ВосеньУ. – Стыдно перед пассажирами.

– Пускай пришлют новый фургон, – ответил тот. Он сдул пыль с толстого портфеля, с которым никогда не расставался. – Наши мастера ничего не понимают в земных кондиционерах. И вообще в кондиционерах.

– Это неправда, – сказал Брюс, глядя в упор на ВосеньУ, что было по тамошним меркам не очень прилично. Но ВосеньУ всегда буравил Брюса фиолетовыми пятнышками своих зрачков. – В консульстве на той неделе починили кондиционер.

– А ты не спрашивал, – вмешалась ПетриА, чтобы переменить тему разговора. – Что в консульстве говорят о пропавшем археологе?

– Увидим консула на космодроме – спросим, – сказал Андрей. – Пока вроде бы ничего нового.

– Все в городе знают, – сказал ВосеньУ, – что археолог мстил клану Западных вершин.

– Чепуха, – сказал Андрей убежденно. – Археолог здесь четыре дня. Он не знает никаких кланов. Он все время проводил в Школе Знаний. Зачем ему кланы?

– Он продал им свои карты. Но ему не заплатили, – сказал ВосеньУ. – Он потерял честь.

ВосеньУ дунул себе на плечо, на золотое крылышко. Он сам придумал себе космофлотскую форму. Даже в этом мире ярких и разнообразных одежд он умудрился выделяться. Может, потому, что его клан был слаб, почти все мужчины погибли в сварах с Речным кланом, и клан отказался от мести, чтобы выжить, – подобно собаке, которая, проиграв схватку, ложится на спину, подставляя сопернику живот. И тот уходит. Если бы не было такого обычая в яростной борьбе кланов, в сложнейшей системе кодексов чести, жители планеты давно бы перебили друг друга.

Карты археолога пропали. Это было известно. ВараЮ, начальник городской стражи, сказал об этом консулу в тот же вечер. В номере археолога Фотия ван Куна кто-то все перевернул, перевернул, вряд ли это успел бы сделать сам жилец, который, по сведениям портъе, был в номере несколько минут. И там не было папки с бумагами, которая исчезла вместе с археологом.

В номере были найдены четыре фигурки, четыре фигурки мести, правда, неразрезанные, но самые настоящие фигурки мести. Клановая вражда никогда не начинается неожиданно. Если ты намерен выйти на путь войны, то по законам чести ты обязан приобрести специальную фигурку мести – одетого в тряпочки солдатика, которые продаются в специальных лавках, – затем отрезать ему голову и в таком виде выслать или отнести представителю клана, на который ты намерен идти войной.

Самое удивительное в этой удивительной находке было то, что археолог зачем-то приобрел четыре фигурки мести, из трех различных кланов. В том числе одного солдатика из могучего клана Причалов, известного дурной репутацией и настолько сильного и бесстыжего, что даже западные горцы не смели его задеть. Так вот получается, что земной археолог вышел на путь войны сразу против трех кланов. Уму непостижимо. В этом было какое-то недоразумение, ошибка. Но зачем же еще можно покупать эти маленькие фигурки в военной одежде?

Может, просто из любопытства?

К сожалению, эта гипотеза опровергалась всеми остальными свидетельствами.

У археолога было полчаса свободного времени. Он спешил. Ему надо было захватить планы раскопок и переодеться. Ему некогда было гулять по сувенирным лавкам. Да и не было еще в городе сувенирных лавочек, не доросли местные жители до этого. Сувениры – дело будущего, для сувениров нужны туристы...

ПетриА не выносила, когда у Андрея плохое настроение.

Здесь у женщин сильно развита интуиция, это уже не интуиция, а нечто среднее между интуицией и телепатией.

ПетриА положила кончики пальцев на руку Андрея.

– Не волнуйся, – сказала она. – Может, он пошел в вертеп.

Андрей улыбнулся. Раньше, когда он здесь был новичком, такое предположение, тем более из уст молодой девушки, его бы удивило. Солидный археолог пропадает в вертепах. Но для ПетриА это предположение было естественным и никак не порочило мужчину. Еще лет сто назад девушек из хороших, но обедневших семей отдавали на год или больше в вертеп – их там учили танцевать, петь, ухаживать за гостями. И, естественно, общаться с мужчинами. Очевидно, это равнодушие происходило от запутанности родственных отношений, совершенно непонятных приезжему. Клан включал не только кровных родственников, но все в клане считались родственниками. Андрей и не старался разобраться в этой путанице – наверное, из всех землян это мог сделать лишь консул Ольсен, узнавший за двенадцать лет жизни здесь и язык, и обычаи лучше многих аборигенов. Правда, Андрея смущало – и с этим трудно было примириться, – что ПетриА была его дочерью, хотя родилась лет за двадцать до его появления на планете.

Ошибку совершил уже предшественник Андрея, Карлос Перес, который на обеде посадил недавно взятую на работу секретаршу представительства ПетриА между собой и второй (восточной) женой министра Сообщений, а министр Сообщений в то же время был вице-главой клана Западных Ву, что автоматически делало его жрецом святилища Каменного дракона. А так как на том злосчастном обеде присутствовал и отец (настоящий отец) ПетриА, то свидетельство удочерения было отныне нерушимо. Ни ПетриА (которая поняла, что происходит), ни Карлос Перес (который ничего не понял) не придали значения тому происшествию. Когда же Андрей Брюс сменил Переса, то он унаследовал не только контору, но и приемную дочь Переса. И, уж конечно, Андрей не подозревал о том, что вступил в родственные отношения с братом ПетриА, никчемным головоотяпом и бездельником, и с мамой ПетриА, ленивой толстой дамой, на которую отныне теоретически распространялись супружеские права.

Все бы шло и дальше, очевидно для одних, незаметно для других, если бы ПетриА не влюбилась в представителя Космофлота Андрея Брюса, а сокращенно агента КФ ДрейЮ, а тот, по прошествии некоторого времени, не ответил бы взаимностью секретарше агентства – смуглой, маленькой, светлоглазой ПетриА.

ПетриА, как было принято в некоторых передовых семьях планеты, в возрасте пятнадцати лет была вместе с тридцатью другими детьми из высокопоставленных кланов отправлена на рейсовом корабле в Галактический центр, в школу для инопланетян, где проявила себя обыкновенной, не очень талантливой, но в меру умной ученицей. Она вернулась домой через три года, овладев несколькими языками, проглядев миллион фильмов и научившись художественно вести конторское хозяйство – от диктофона до кабинетного компьютера – и оставив в Галактическом центре безутешного поклонника.

... Когда панспермия стала научным фактом, это не приблизило ученых к пониманию причин того, что разумная жизнь в пределах известной нам Галактики возникла на основе того же набора хромосом, что и на Земле. Разумеется, религиозные учения предлагают высший разум как носителя этого единства. Ведь мир неразумный, утверждают они, весьма различен во всех обитаемых мирах. Везде он движется к своей вершине – разуму, везде возникают и отмирают ветви великого дерева зоологии, и везде человек разумный появляется относительно сразу, неожиданно, а недостающего звена так нигде и не найдено. Следовательно, в эволюцию на каком-то этапе обязательно вмешается Провидение, которое осеменяет ту или иную планету согласно единому генетическому коду, и на планете начинает плодиться вид хомо сапиенс. Под влиянием различных условий существования он может быть черным, белым, зеленым, желтым, губастым, плосколицым, высоким, маленьким, курчавым или безволосым, но обязательно принадлежит к одному и тому же виду. От смешения земных и галактических рас

возникают гибриды, плодя многообразие галактического человечества. Но при этом оно остается Человечеством.

Иначе рассуждают большинство биологов. Они утверждают, что в живой природе набор хромосомных вариантов ограничен, законы эволюции в определенных природных условиях действуют схоже, и разнообразие внешнее скрывает в себе удивительное внутреннее сходство. И не следует утверждать, что на лестнице эволюции до человека миры Галактики так уж разнообразны – мы можем обнаружить генетические закономерности среди существ, казалось бы, совершенно различных. Драконы с Крайи генетически родственники галапагосских черепах. Так что можно говорить о возникновении жизни как таковой в каком-то едином центре Галактики с последующим распространением ее в виде спор по Вселенной. Но раз уж она утвердилась на планете – далее законы развития неизбежно приведут ее, если не будет губительного катаклизма, к появлению человека. И далее действуют законы конвергенции – подобного развития в подобных условиях. Человек же, отрываясь от природы, переходит под власть законов социальных.

В тот момент, когда Андрей Брюс наконец сообразил, что эта смуглая бесплотная девушка его любит, перед ним встала проблема: имеет ли он моральное право на взаимность? Не следует думать, что взаимности не было. И случись это пять лет назад, не лишенный сомнения бравый капитан Брюс не стал бы скрывать своих чувств. Иное дело, когда ты – жалкая тень самого себя. Обломок, из милости оставленный в Космофлоте, но не в летном составе, а получивший отдаленную синекуру – спокойный пост на полудикой планете. Впрочем, он сам этого хотел. Чем меньше он будет видеть старых знакомых, чем меньше будут сочувствовать или снисходительно посмеиваться за спиной – тем легче дотянуть до конца. Можно было, конечно, вернуться на Землю – маленькую планету в стороне от космических путей, родину его деда (сам Андрей, как и многие галактические земляне, родился на Земле-3, в центре Галактики, откуда Земля не видна даже в сильнейший из радиотелескопов). Вернуться, как возвращаются в старости многие земляне, вдруг ощутившие свою связь с родиной предков, как зверь, идущий умирать в родной лес. Но он был еще молод – сорок лет не возраст для отдыха. Склонности к литературному труду или писанию картин он не испытывал. И был все равно смертельно и до конца дней своих отравлен космосом. Место на этой планете было связано с несбыточной надеждой – может, когда-нибудь он вновь поднимется к звездам, пускай юнгой, третьим штурманом – кем угодно.

А пока он не выходит на улицу после захода солнца. Чтобы не видеть звезд.

Если твоя жизнь фактически завершена и надежды – совсем без надежд не бывает даже висельников – столь туманны, зыбки и неверны, что нельзя в них верить, ты не имеешь права приковывать к своей сломанной колеснице других людей.

Образ сломанной колесницы был литературен, навязчив и банален.

ПетриА сама ему все сказала. Разумно и рассудительно, как и положено девушке из хорошего городского клана.

Они провожали группу экспертов-строителей, которые проектировали плотину в горах, откуда в дождливый сезон на столицу обрушивались грязевые потоки. Эксперты с Фрациолы были длинными, худыми, темнолицыми, молчаливыми людьми. К тому же одинаково одеты – в синие тоги, в черные шляпы с клювом вытянутого вперед поля. Различать их было невозможно, говорить о чем-либо, кроме бетона, почти невозможно. Развлекать, когда они не выражают эмоций, очень трудно. К тому же из-за неполадок в посадочном устройстве корабль задержался с отлетом, и весь вечер пришлось провести на космодроме, вежливо беседуя о бетоне.

Устали в тот вечер они ужасно. И ПетриА, и Андрей. ВосеньУ, разумеется, ушел сразу после обеда, сославшись на хронический насморк.

По дороге с космодрома заехали в контору, чтобы оставить документы. Потом Андрей собирался подкинуть девушку до дома.

Шел теплый мелкий дождь. Андрей подогнал фургончик к самой двери.

Контора была пристроена снизу к дому-тыкве – он казался грибом-дождевиком на стеклянной ноге.

Стена дома нависала сверху, так что у дверей было сухо.

Витрина светилась еле-еле: ее выключали на ночь – очень дорого стоит электричество.

Андрей выскочил из фургончика, протянул руку ПетриА.

На деревьях, устраиваясь на ночь, громко кричали птицы.

ПетриА не выпустила руки Андрея. Она стояла рядом, крепко сжимая его ладонь.

– Ты устала? – спросил Андрей.

– Я тебя люблю, – сказала ПетриА. – Я весь день хотела тебе это сказать.

– Не говори так, – сказал Андрей. Он хотел сказать: «Не говори глупостей», но сдержался, потому что обидел бы ее.

– Я ничего не могу поделать. Я старалась не любить тебя. И это плохо.

– Плохо, – согласился Андрей, не зная еще, что ПетриА имеет в виду их родственные отношения. Он думал о себе. О том, что не имеет права любить ее.

Они вошли в контору.

ПетриА зажгла свет.

Андрей прошел за стойку и открыл дверь к себе в кабинет.

– Скажи, – спросила ПетриА из приемной, – а независимо от закона, если бы ты не боялся, ты бы мог меня полюбить?

– Я думал, что ты догадаешься, – сказал Андрей, отворяя сейф и кладя туда сумку.

Он запер сейф, вышел и остановился на пороге кабинета. ПетриА сидела на низком диванчике, поджав ноги в синих башмаках с длинными загнутыми по моде носками. Она крутила вокруг указательного пальца голубую прядь волос. Лишь это выдавало ее волнение. По обычаю, эмоции здесь отданы на откуп мужчинам. Женщине неприлично выдавать себя. А ПетриА была девушкой из очень знатной семьи.

– Я беру проклятие на себя, – сказала ПетриА. – Ты можешь быть спокоен.

Андрей сел рядом. Что-то было неправильно.

– Я не понимаю, – сказал он, – почему ты должна взять на себя проклятие?

– Я скажу тебе завтра. С твоей точки зрения, это чепуха.

– Мне проводить тебя?

– Я останусь у тебя этой ночью.

– А дома? – Андрей понял, что подчиняется девушке. Словно она знает настолько больше его и ее уверенность в том, что все должно случиться именно так, дает ей право решать.

– Дома знают, что я осталась на космодроме. Тебе неприятно думать, что я все предусмотрела заранее? Но я ведь чувствовала твое волнение. Много дней.

Лестница в комнаты Андрея вела из коридора за его кабинетом.

Больше в этой тыкве никто не жил. Андрей занимал лишь один этаж.

Верхний этаж был пуст, там гнездились сварливые птицы и по утрам громко топотали над головой, шумно выясняя отношения.

Птицы и разбудили их, когда начало светать.

– Ты сердишься? – спросила ПетриА. – Твои мысли тревожны.

– Ты обещала мне рассказать.

Луч восходящего солнца вонзился горизонтально в комнату, высветил на дальней, округлой стене треугольник окна, задел стол и заиграл золотыми блестками голубого парика ПетриА.

Под париком волосы оказались короткими и шелковыми. Почти черными.

Проследив за взглядом Андрея, девушка вскочила с постели и, подбежав к столу, схватила парик и надела его.

– Еще ни один мужчина не видел меня без парика, – сказала она. – Ты знаешь?

– Без парика ты лучше.

– Когда я буду приходить к тебе, я всегда буду снимать парик. Но жена так делает только наедине с мужем.

– Ты обещала рассказать.

ПетриА сидела на краю постели, закутавшись в халат Андрея, голубой парик казался светящимся нимбом. И она рассказала ему о нечаянном удочерении.

Андрей не стал смеяться и не сказал, что это чепуха. За время, проведенное здесь, он привык принимать незыблемость здешних табу.

– Этот обычай, как бы ты ни думал, как бы я над ним ни смеялась, выше нас. Я позавчера ездила к источнику Святого откровения. Но источник не дал мне знака. И я решила, что пускай будет проклятие.

– Но ты же сама отлично понимаешь, что не можешь быть моей родственницей, тем более по наследству от Переса, которого я в глаза не видел.

– Не надо больше говорить. Это ничего не изменит. Пойми только, что мы не можем никому сказать.

– Но я хочу, чтобы ты жила вместе со мной.

– Я буду приходить к тебе, когда можно.

– Я хочу, чтобы ты была моей женой. У меня нет никого на свете. Только ты. Неужели ничего нельзя сделать?

– Можно пойти к оракулу Перевернутой долины. Туда надо идти три месяца. Через горы. И там сейчас война.

– Тогда я увезу тебя.

– Может быть. Но я думаю, что добрый Ольсен не разрешит. Он ведь боится испортить мир. А наш клан оскорбить нельзя. Он третий клан столицы.

– Я знаю. И все же я тебя увезу.

– Наверное, если я тебе не надоем.

ПетриА вдруг улыбнулась, на мгновение коснулась его щеки ресницами. Она была так легка и бесплотна, что ее боязно было любить, но всегда хотелось опекать.

Месяца через два Андрей снова завел разговор с ней. Может, он пойдет к ее отцу?

– Если он догадается, тебе никогда меня не увезти, – сказала ПетриА твердо. – Меня спрячут в нашу крепость, в горах. Там тебе меня не отыскать, даже если на подмогу тебе прилетят все корабли Галактики. Все твои друзья.

– У меня не осталось друзей, – сказал Андрей.

– А тот капитан, который прилетал сюда на «Осаке»? Он был у тебя. Вы долго говорили. Я спросила его: ты хороший человек? Он сказал, что ты очень хороший человек. Значит, он твой друг?

– Нет, просто мы с ним когда-то летали. Сослуживцы. Космофлот велик.

– Я знаю. У нас есть все справочники.

– Мне нелегко, милая.

– Я тоже хочу жить с тобой. И хочу, чтобы у нас были дети. Только я умею ждать.

Этот разговор был совсем недавно. И после него Андрей решил просить о переводе на другую планету или в Центр. Он понимал, что его заявление кого-то удивит. Но его удовлетворяет. Если будет место. Но послать это заявление означало еще раз признать свое поражение, еще раз не выполнить своего долга. А Андрея Брюса растили и воспитывали как человека долга.

* * *

Оставив ПетриА в единственном небольшом зале космопорта и отправив ВосеньУ на склад узнать, освободили ли место для грузов, Андрей Брюс поднялся на вышку, к диспетчерам.

В стеклянном колпаке диспетчерской было жарко. В открытое окно проникала рыжая пыль.

Оба диспетчера поднялись, здороваясь. Андрей поклонился им. Они были знакомы. Старший диспетчер год назад вернулся с Крионы, где стажировался.

Младший, загорелый, в клановой каске Восточных гор, похожей на шляпу мухомора, взял со стола листок бумаги.

– Корабль второго класса, серии Гр-1, «Шквар», порт приписки Земля, находится на планетарной орбите. Связь устойчивая. Посадка в пределах сорока минут.

«Шквал», – мысленно поправил диспетчера Андрей. В здешнем языке нет буквы «л» и шипящие звучат твердо. Вслух поправлять было нетактично. Тем более горца.

– Кто капитан? – спросил он.

– Якубаускас, – сказал старший диспетчер, включая экран. – Он ждет связи.

Длинные пальцы диспетчера пронесли над пультом, на овальном экране возникло рубленое лицо Витаса.

– Андрей, – сказал Витас, – я рад тебя видеть.

– Здравствуй, – сказал Андрей. – Как полет?

– Лучшая игрушка за последнее столетие. Мне сказали, что ты здесь, и я ждал встречи.

– Через час увидимся.

Андрей Брюс спустился вниз. В зале ПетриА не было. Зал показался пустым, хотя в нем сновали люди: прилет корабля всегда событие, привлекающее любопытных. Прилет корабля собирает больше зрителей, чем птичьи бои.

Некоторые узнавали агента Космофлота. Он раскланивался с ними.

Хорошо, что прилетел именно Якубаускас. Хотя он все знает, он не будет задавать вопросов и беречь раны.

– Скажите мне, – обратился к Андрею репортер одной из двух возникших по примеру цивилизованного мира газет, – вам приходилось летать на гравитолете?

– Нет, – ответил Андрей, не останавливаясь. Он шел к выходу на поле. – Гравитолеты появились только в последние годы.

– Это первый гравитолет в нашем секторе?

– Это первый гравитолет, который опустится на Пэ-У, – сказал Андрей.

В тени здания гудела толпа. Такого Андрей здесь еще не видел. Те, кому не хватило места в тени, расположились на солнце, маялись от жары, но не уходили. Впрочем, их можно было понять. Еще никогда на Пэ-У не опускался космический корабль. Здесь видели лишь посадочные катера и капсулы, внушительные сами по себе, но значительно уступающие кораблям. Сами лайнеры оставались на орбите. Они не приспособлены входить в атмосферу. Гравитолеты же могут опускаться где угодно.

Когда Андрей еще летал сам, они мечтали о гравитолетах. Тогда проводились испытания, и вскоре был заложен первый в серии корабль. Это было чуть больше десяти лет назад. Тогда они летали вместе с Якубаускасом. Он был вторым помощником на «Титане», а Брюс – старшим помощником.

Рыжая пыль ленивыми волнами ползла над полем. Зрители терпеливо ждали. Тускло поблескивали пыльные шлемы, покачивались модные шляпы-зонты. Пронзительно верещали продавцы шипучки, кудахтали торговцы фруктами, глаза ел дым жаровен. Господин Пруг,

наследник витора Брендийского, самый экзотичный тип в городе, стоял на высокой подставке, похожей на шахматную ладью. Когда-то лицо его было обыкновенным, потом широко расплылось, и глаза, нос, рот затерялись в щеках. Его молодцы в голубых, с синим горохом накидках оттесняли зевак, чтобы те случайно не задели столь важную персону.

Наследник увидел Андрея, когда тот был в дверях, и зазвенел браслетами, высоко воздев толстые лапищи.

– ДрейЮ, сегодня у меня ужин! Ты приглашен вместе с капитаном!

Наследник престола хотел, чтобы весь город об этом узнал.

Андрей изобразил на лице светлую радость. Чертов боров, подумал он, сегодня наш с ПетриА вечер. А ты его отнимаешь. Но придется идти, чтобы Ольсен не расстраивался. Мы дипломаты. Мы терпим. Где же ПетриА?

Консула Ольсена Андрей отыскал за углом здания, куда заглянул в поисках ПетриА. Он оживленно беседовал с чином в черной накидке. Лицо чина было знакомо, но должности Брюс разобрать не смог – он так и не научился разбираться в значении кружков, вышитых на груди. Как-то ПетриА потратила целый вечер, терпеливо и вежливо обучая Андрея тому, что знает каждый мальчишка. Но тщетно.

Вдали, у грузовых ворот, стояла пустая платформа. На нее лезли стражники в высоких медных шлемах, рядом сутились грузчики в желтых робах их гильдии. Там же стояла и ПетриА. Каким-то образом она почувствовала взгляд Андрея и подняла тонкую обнаженную руку. Счастливая, подумал Андрей, ей никогда не бывает жарко. И кожа у нее всегда прохладная.

– Все в порядке? – деловито спросил консул. – Ты говорил с кораблем?

– Там капитаном Якубаускас, – сказал Брюс. – Мы с ним когда-то летали вместе.

– Наверное, придет приказ о моей смене, – сказал Ольсен, щурясь. Глаза его были воспалены: у него была аллергия на пыль. – Мы с Еленой Казимировной очень надеемся.

– Будет жалко, если вы улетите, – сказал Андрей. – Я к вам привык.

– Я тоже, я тоже, но ведь двенадцать лет! У меня три тонны записок! Я должен писать. А я занимаюсь разговорами. Вместо меня прилетит настоящий, энергичный, молодой специалист. Вам с ним будет интересно.

– Во-первых, мне и с вами интересно, – сказал Андрей. – И сомневаюсь, что в Галактике можно отыскать специалиста лучше вас. Во-вторых, я сам собираюсь улетать.

– Ни в коем случае! Вы так мало здесь пробыли.

– Если вы все улетите, это будет значительная потеря для Пэ-У, – вежливо произнес чин в черной накидке.

– Но я же недостаточно инициативен, – сказал Ольсен горько.

Фраза о недостаточной инициативности была вставлена каким-то чиновником в последнее инструктивное письмо. Ольсен его всем показывал. Не будь этого письма, никуда бы он отсюда не улетел. Он был на Пэ-У своим. Даже умудрился получить белую мантию Высокого знания в школе Озерных братьев. При желании он мог бы расшить свой костюм таким количеством кружков и треугольников, что местные генералы лопнули бы от зависти. Все в городе его знали, и он знал всех, кто собой хоть что-нибудь представлял. Его можно было разбудить среди ночи и спросить, кто был Верховным в Интуре, за океаном, триста двадцать лет назад, и он тут же сообщил не только имя Верховного, но и его основные двенадцать титулов, а если нужно, он мог бы назвать и первый клан его главной наложницы.

– Что слышно об археологе? – спросил Андрей, глядя краем глаза, как платформа поползла к месту посадки.

– ВараЮ лучше меня скажет, – ответил консул.

И тут же Андрей вспомнил, кто этот чин, – начальник городской стражи, чей орлиный профиль он только вчера видел в газете.

– Если это простое ограбление, – сказал ВараЮ скучным голосом, чуть покачивая большой узкой головой, как птица, примеряющаяся клюнуть, – то мы его скоро найдем.

ВараЮ провел ладонью у лица, отпугивая злых духов, и добавил:

– Его труп, вернее всего, всплывет в озере.

* * *

Большое мелкое озеро начиналось на западных окраинах города. Кварталы рыбаков сползали в него с берега, и свайные дома уходили далеко в воду. Между кварталами были причалы. Озеро было грязным, заросло тростником и лишь в километре от берега становилось глубоким, и там в сильный ветер гуляли волны.

– Но откуда взяться грабителям в центре города днем? Разве это обычно?

– Это необычно, – согласился ВараЮ. – Но так проще для следствия.

Он помолчал немного, поглядел на небо, потом сказал:

– Я послал агента в клан Западных Ву. И на озеро, к причалам.

– Почему в клан? – спросил Андрей.

– Не исключено, что он шел мстить этому клану.

– Вы в это верите?

– Я не верю, я проверяю, – сказал ВараЮ. – Для меня это неприятное дело. Я не хочу, чтобы люди из Галактики прилетали сюда вмешиваться в наши дела.

– Он здесь четыре дня, никогда не был здесь раньше. Все время он проводил в Школе Знаний. – Ольсен повторял аргументы Андрея. Ему было жарко. Он вынул платок и вытер лицо. Платок стал рыжим. Ольсен осторожно сложил платок, чтобы рыжие пятна оказались внутри, и спрятал в карман.

– Но он с Ар-А, – сказал стражник.

– Но это при чем? – сказал Андрей.

– Они нашли сокровища гигантов. А это опасно.

* * *

Третью планету (Пэ-У – вторая) археологи называли Атлантидой.

Человеческая фантазия ограничена и питается нешироким спектром легенд и общих мест. Известия о планете происходили в основном из легенд, собранных Ольсеном, который и был инициатором раскопок. Планета была пуста и потому загадочна. И если на Земле в свое время существовали атланты, погибшие при невыясненных обстоятельствах, то на Ар-А жили гиганты, погибшие в таинственной войне.

Ар-А обращается сравнительно недалеко от Пэ-У, она восходит на небе не звездой, а голубым кружком, и если у тебя острое зрение, можно угадать сквозь прорывы в облаках очертания континентов. Разумеется, в поисках ответов на вопросы бытия предки жителей Пэ-У обращали взоры к небу и к постоянному украшению его – планете-сестре, а их воображение населяло ее сказочными существами, гигантами и волшебниками.

Все на Пэ-У верили, что обитатели Ар-А с незапамятных времен прилетали на Пэ-У в железных кораблях. Именно они, светлоликие, научили людей строить дома и считать дни, они дали людям одежду и законы. Непокорных они поражали молниями.

Затем гиганты перессорились между собой, чему виной интриги богини Солнца УрО, не терпевшей конкуренции со стороны смертных. А так как гиганты были разделены на кланы, то началась страшная война, в которой гиганты перебили друг друга, к удовлетворению злобной богини.

В различных легендах, тщательно собранных неутомимым Ольсеном, описывались корабли гигантов, их облик, даже язык их был воспроизведен в древних заклинаниях.

Может, Ольсен ограничился бы записями и создал в конце концов свод легенд, но однажды он узнал, что в долине, за капищем Одноглазой девицы, есть священное место, именуемое «Небесный камень». И в Школе Знаний Ольсену рассказали, что этот камень – вовсе не камень, а найденный лет двадцать назад охотниками глубоко ушедший в землю корабль гигантов.

Три месяца Ольсен осаждал Школу Знаний с просьбой послать с ним человека в долину, еще два месяца переживал клановую войну, которая кипела в тех местах, затем сломил сопротивление Елены Казимировны и добрался до долины.

Когда же он увидел там разбитый планетарный корабль, то поверил в реальность цивилизации на Ар-А и добился посылки туда археологической экспедиции.

Археологи прилетели на Ар-А полгода назад. Некоторое время они не могли обнаружить ничего, так как умеренные широты и тропики планеты были покрыты густыми лесами. Затем они отыскивали руины города. Затем пошли находки. Одна важнее другой.

По просьбе Ольсена на Пэ-У прилетел археолог Фотий ван Кун, чтобы доложить о находках в Школе Знаний. Три дня он беседовал с коллегами. Но последний, большой, подробный доклад – сенсация в масштабе планеты – не состоялся. Археолог исчез.

* * *

– Разумеется, – сказал ВараЮ, – не исключено, что мы имеем дело с фанатиками.

– Какого рода? – спросил Ольсен, умело обмахиваясь круглым опахалом из черепашьего панциря.

– Когда нельзя объяснить, я ищу необъяснимые версии, – сказал стражник. – Может, среди жрецов... Может, его кто-то счел осквернителем Ар-А. И это предупреждение. Но, вернее всего, виноваты грабители.

– Неужели никаких следов? – спросил Андрей.

– Рикша утверждает, что видел его бегущим по улице в одежде для смертной мести...

– В черном фраке? – вежливо спросил Ольсен. – Одежда для публичных выступлений среди почтенных ученых.

– Почтенный ученый не выступает без лиловой накидки, – сказал ВараЮ.

– А если спешил, не успел надеть? Или просто забыл, не придал значения?

– Не придал значения накидке? – ВараЮ был удивлен.

Даже для самого трезвого, объективного человека здесь отсутствие накидки кажется немыслимым. Фрак без накидки? Этого быть не может! Представьте, он приехал бы к нам и ему сказали бы, что его соотечественник выбежал на улицу, забыв надеть штаны.

– Мы будем его искать, – сказал ВараЮ. Голос прозвучал неуверенно. – А он сам не мог быть маньяком?

– Почему? – Ольсен старался скрыть изумление.

– Продавец в ритуальной лавке утверждает, что ваш археолог изъявил желание купить фигурки всех кланов. Продавец решил, что он маньяк, желающий объявить месть всем кланам гор.

– Значит, – сказал Андрей, – ван Кун решил, что это не фигурки для мести. Что это сувениры.

– Немыслимо, – сказал ВараЮ.

Но, видно, эта версия при всей немыслимости его чем-то обрадовала.

– И есть такой обычай? – спросил он. – Покупать просто так?

– Есть, – уверенно сказал Ольсен. – На память. На память о вашей чудесной планете.

В небе, пробив яркой звездочкой пыльную мглу, возник «Шквал».

Андрей догадался об этом, услышав, как изменился гул толпы.

Все смотрели вверх. У некоторых в руках появились подозрные трубки.

Могучие лапы наследника Брендийского поднесли к глазам перламутровый театральный бинокль. Как он мог попасть на планету, в каком антикварном магазине он мог завалиться – необъяснимо.

Звездочка превратилась в сверкающий диск, и тот, падая, постепенно рос и замедлял движение.

Конечно, Андрей мог бы подняться в диспетчерскую. Но диспетчеры сейчас заняты, и им не стоит мешать. И капитан Якубаускас тоже занят. Посадка – дело престижное. Визитная карточка капитана. Тем более если на планету опускается первый гравитолет. Дело агента КФ подписывать протоколы и накладные, встречать, провожать, развлекать и улыбаться. К полетам он имеет лишь косвенное отношение.

Диск «Шквала» мягко опустился на поле, но в этой мягкости была такая мощь, что земля вздрогнула.

Платформа со стражниками и механиками покатила к кораблю. Андрей следил за голубым париком ПетриА.

Из-за угла здания выскочила вторая платформа, маленькая, оранжевая. Посреди нее в оранжевой же тоге и желтой короне стоял карантинный врач. Должность здесь новая, почетная, и на нее устроили шалопая из семьи министра Иностранных дел.

Андрей с Ольсеном прошли вперед, к легкому ограждению, вдоль которого стояли раскаленные под солнцем гвардейцы.

До корабля было меньше километра. Но настоящие размеры «Шквала» стали понятны, когда первая платформа приблизилась к его боку и оказалась ничтожно маленькой рядом со «Шквалом».

Навстречу муравьишкам, соскочившим с платформы, торжественно развернулся серебряный пандус; люк, возникший над ним, показался Андрею похожим на храмовые врата. Какого черта! Он мог бы командовать этой машиной, громадной, тяжелой и невесомой.

Толпа зрителей постепенно преодолела робость перед масштабом зрелища. Голоса зазвучали вновь.

Дальнейшее не представляло большого интереса.

Рейс был экспериментальным. Ни знаменитой видеозвезды, ни важного гостя на борту не было.

Правда, никто не расходился. За столь долгое ожидание следовало себя вознаградить. Обсудить, оглядеть, главное – показать себя.

К тому же даже рутина встречи, обычная и отработанная для каждой планеты и в то же время схожая, где бы ни приземлялись корабли Космофлота, была частью зрелища. И в этом зрелище Андрею Брюсу отводилась не последняя роль.

Оправив песочного цвета мундир – белый в этой пыли был бессмысленным, – Андрей оглянулся. ВараЮ остался стоять у стены, Ольсен шагнул к нему. Андрей увидел брата ПетриА. Этот бездельник трудился в газете. Вернее, трудился, когда возникало настроение. Сейчас настроение возникло, потому что его видели двести зевак. Кам ПетриУ изящно откинул голову, прищурился, набрасывая на белой доске, прикрепленной к груди, очертания гравито-лета. Он числился иллюстратором.

Андрей шагнул вперед. Завтра в обеих газетах будут помещены отчеты о событии: «Корабль, как всегда, встречал агент Космофлота ДрейЮ, известный нашим читателям по странной привычке бегать по утрам вокруг своего дома. Он был одет в сшитый у мастера Крире-2 изящный форменный костюм песочного цвета с золотыми пуговицами...»

Низкая платформа, которой управлял напыщенный как индюк ВосеньУ, ловко подкатила к Андрею. Тот пропустил вперед Ольсена. Платформа торжественно выехала на раскаленное поле и поплыла к кораблю.

Андрею было видно, как пилоты вышли из люка и остановились наверху пандуса. Андрею показалось, что сквозь густой от жары и пыли воздух до него доносятся слова кого-то из них:

– Ну и жарница...

* * *

Обратно с космодрома возвращались в новой машине консула.

Машина была удобной, чистой, на воздушной подушке, герметизация великолепная – на сиденьях совсем не было пыли.

Ольсен разложил на коленях мешок с почтой и просматривал ее. Андрей решил, что он ищет ответ на свое прошение об отставке.

Витас Якубаускас почти не изменился. У него всегда были светлые, почти белые волосы, и если он немного поседел, этого не заметишь.

Говорили о «Шквале». О перелете. О его ходовых качествах. До воспоминаний дело не дошло, да и не могло пока дойти. Витас был деликатен.

С появлением кораблей класса «Шквал» в жизни Космического флота наступил новый этап. Гравитационные роторы куда проще плазменных двигателей. Они не требуют защиты, совершенно безопасны. Если плазменный лайнер обречен родиться, жить и умереть в открытом космосе, то гравитолеты могут опускаться на любом поле. В худшем случае корабль примет траву.

Предел скорости «Швала» устанавливался не мощностью двигателя, а конструктивными возможностями самого корабля. Витас сказал, что сейчас строят кремниевую модель. И если человечеству будет суждено добиться мгновенного перемещения, то достичь этого можно лишь на гравитолете.

Наконец Ольсен сложил в мешок письма и кассеты, разочарованно и шумно вздохнул и спросил:

– Вы у нас первый раз, Витас?

– Да.

– Завтра поедем к водопадам, – сказал консул.

Он всегда возил гостей к водопадам.

– У нас всего два дня стоянки, – сказал Витас. – Боюсь, что я завтра буду занят.

Он показал на дыни домов, что пролетали за окнами:

– А из чего их строят?

– Раньше они были глинобитными на деревянном каркасе или каменными. Теперь – бетон, – ответил Ольсен. – Я так и знал, что письма не будет. Но со следующим кораблем прилетает комиссия. Я их не отпущу, пока они не подпишут мою отставку.

– Здесь трудно? – спросил Витас.

Витас умел задавать вопросы таким тоном, будто крайне заинтересован в ответе. Его серые глаза преисполнялись интересом к любому слову собеседника. Андрей раньше подозревал Витаса в лицемерии. Но когда привык, понял, что Витасу и в самом деле не очень интересны чужие дела. Он, как и Брюс, был одинок, замкнут и сдержан, но в отличие от Андрея никогда не позволял себе взорваться, натворить глупостей и даже повысить голос. Лишь в редчайших случаях его пальцы, лежащие сплетенными на коленях, сжимались до хруста.

Ольсен, тронутый интересом Витаса, пустился в длинный рассказ о сложностях консульской жизни на Пэ-У. Андрей рассеянно слушал, глядя в окно. Странно, зачем было археологу покупать эти фигурки мести? Может, он раньше бывал здесь? Надо спросить у Ольсена.

Вдруг он не догадался заглянуть в списки приезжих за прошлые годы? ПетриА сказала, что вечером она свободна. Но тут как назло этот обед у наследника Брендийского. И отказаться нельзя. И он не успел сказать ей об этом. Конечно, она будет ждать. Она никогда не упрекает. И ждет. А Ольсен с забавным убеждением в том, что его собеседник обязан разбираться в тонкостях здешних интриг, в которых не всегда разбирался и сам ВараЮ, хотя любил их создавать, пытался доказать Якубаускасу, что в будущем году к власти в Китене обязательно придет Крунь КропУ, и потому брат премьера потеряет портфель министра Развлечений и будет вынужден пойти на союз с Его Могуществом.

Якубаускас слушал, словно всю жизнь мечтал узнать о кознях Круня КропУ.

Машина проезжала мимо базара, былолюдно, прохожие замирали, глядя на непривычную форму повозки. Группа рыбаков с Дальних протоков, видно, впервые попавших в город, гримасничала, глядя на машину, изображая ритуальные маски презрения. Презрение происходило от страха. И хоть в столице мало кто верил в то, что пришельцы – чудовища, но чем дальше от нее, тем пышнее расцветали слухи о людях со звезд.

В мире, где еще нет средств быстрой связи, обыденность пришельцев воспринимается с недоверием. В конце концов, думал Андрей, слушая, как Ольсен повествует о том, как наложница КропУ умудрилась отравить на званом обеде своих пасынков, когда-то на Земле также полагали, что Неведомое населено чудовищами, которых воображение складывало из кусочков существовавших на Земле зверей. То увеличивало до страшных размеров паука, то приделывало змеиную морду к туловищу медведя. Когда монстрам не осталось места на Земле, так как ее обследовали настолько, что пришлось отказаться даже от морского змея и снежного человека, то воображение нашло себе новую пищу – иные миры. И как трудно было отказаться от чудес, даже когда первые экспедиции достигли звезд. Места обитания чудовищ лишь отодвигались от Земли все дальше, но не исчезали совсем. Всегда находились новые легенды, и не только земные, – галактическое человечество также склонно к чудесам, как их земные кузены. Как раз тот факт, что Галактика оказалась заселенной одним и тем же видом – хомо сапиенс, – и обусловил схожесть образа мышления. Во многом расы Галактики различались между собой, но в одном сходились – в буйной фантазии.

И точно так же, как необычный след облака будил в воображении жителя Швейцарии или Казахстана образ летающего блюдца, так и в воображении горца с Озерных протоков зеркальная, загадочной формы машина галактического консула населялась тут же коварными чудовищами.

Андрей поглядел на своих спутников. Ольсен в зеленом костюме с кружком Озерной школы на груди и вытянувший длинные ноги капитан Якубаускас в повседневном мундире Космофлота – очень обыкновенные люди очень обыкновенно рассуждали о совершенно необыкновенных вещах. А за тонкой стенкой машины мир продолжал упрямо тикать по своим неведомым законам. А мы и есть, думал Андрей, та тонкая ниточка, что связывает Галактику с этой планетой, с этими горцами и торговцами, дети и внуки которых полетят к далеким звездам и будут строить гравитационные станции. И этот переход случится куда быстрее, чем на Земле, – нам ведь пришлось самим расти до космической эры. И неизвестно порой, что лучше. Ведь хотим мы того или нет, но само существование ниточки между планетой и Центром неотвратимо и даже жестоко разрушает ткань этой жизни, какими бы мы ни были порядочными, разумными и гуманными. Конфликт существует внутри людей. И если ВараЮ смог преодолеть его в себе, осознать неизбежность перемен и даже приветствовать их, то тот же ВосеньУ хоть и побывал в Центре, даже научился летать на планетарных машинах, но психика его определяется не столько знаниями и пониманием могущества будущего, сколько травмой, вызванной тем, что клан его мал, слаб и подвластен Брендийскому клану, – это унижение важнее, чем все корабли, прилетающие с неба. ВосеньУ придет домой, снимет попугайский мундир, совершит вечернее омовение и, если его очередь, омоет ноги дряхлой старухе – главе клана и провалится

до следующего утра в паутину законов и правил, которыми определяется его маленькое существование, правда, чуть более высокое, чем ему принадлежит от рождения, так как он работает у пришельцев.

– Вы где будете ночевать? – услышал Андрей голос Ольсена. – В нашем доме для приезжих?

– Витас останется у меня, – сказал Андрей. – Тем более что нам с ним сегодня идти на прием.

– Куда? – удивился Витас.

– На ужин к наследнику Брендийскому.

– Кстати, он не является сыном Брендийской вдовы, – сказал Ольсен. – Любопытно отметить методу усыновления...

– Нильс, – сказал Андрей, – у нас всего три часа до ужина, а Витас устал. Если завтра вы повезете экипаж к водопадам, то Витасу, после того как он встретится с наследником, будет куда интереснее тебя слушать.

– Правильно, мальчики, – сдался Ольсен, – отдыхайте. А я помогу ПетриА разместить экипаж.

– Если она задержится, – сказал Андрей, – предупредите ее, пожалуйста, что я сегодня на ужине.

– Разумеется, – сказал Ольсен, открывая дверь машины. – Чудесная девушка. И очень интеллигентная.

Андрей и Витас вышли из машины. Ольсен сказал вслед:

– Тебе пора подумать о семье, Андрюша. Одному жить вредно. Елена Казимировна того же мнения.

– Спасибо, – сказал Андрей.

* * *

Умывшись и переодевшись, Витас улегся на диван, покрытый желтой шкурой гремы, надел видеоочки и принялся смотреть любительские фильмы, которые Андрей делал во время поездок по стране.

Андрей позвонил вниз, в агентство. Никого не было. Он позвонил на космодром. Там сказали, что ПетриА увезла в консульство экипаж корабля, а ВосеньУ заканчивает разгрузку.

– Знаешь, что приятно? – сказал он.

– Что?

– Что окно открыто, а в него ветер залетает.

– Тут жарко, – сказал Андрей. – Вот на водопадах воздух настоящий, хрустальный. Может, я сам с вами съезжу. Уговорю ПетриА и съезжу.

– Кто она? – спросил Витас.

– Моя помощница.

– Ольсен хочет тебя на ней женить?

– Ему бы работать свахой, – сказал Андрей с некоторым раздражением. – Он отлично знает, что я не могу на ней жениться.

Витас не стал спрашивать почему. Он никогда не задавал лишних вопросов. А Андрею не хотелось объяснять. Витас может подумать, что Андрей благополучно прижился на этой планете и доволен тихой, болотной жизнью. А впрочем, если ему хочется так думать, пускай думает.

– На Землю не собираешься? – спросил Витас, поняв, что Андрей не хочет говорить о ПетриА.

– Пока нет. Ты голоден?

- Жарко, – сказал Витас. – Потом.
- Андрей приготовил фруктовую смесь со льдом. Витасу смесь понравилась.
- А что там нашли на Ар-А? – спросил он.
- До Центра уже донеслось?
- Галактика невелика, – сказал Витас. – И событий не так много. А мы, пилоты, разносчики новостей.
- И сплетен, – сказал Андрей.
- Правда, что там жила раса гигантов?
- Хочется сенсации?
- Хочется.
- Планета мертва. Галактический патруль отнес ее к ненаселенным.
- Пустыня?
- Нет, там все есть, но нестабильная атмосфера, сильные климатические возмущения. Небогатая флора и фауна.
- Резерв колонизации?
- Резерв колонизации с перспективами заселения в пределах системы.
- А сейчас?
- Сейчас они откопали много всего интересного. И если бы не пропал Фотий ван Кун, у нас были шансы вчера вечером услышать много интересного из уст очевидца.
- Очевидца?
- Сюда прилетел один из археологов. Вчера вечером он должен был читать в Школе Знаний доклад о раскопках. Сенсация номер один. Вся знать обулась в сапоги и нацепила перья. Представь себе, что на Землю двадцатого века прилетает археолог с Марса с сообщением, что там открыты следы атлантов.
- И почему лекция не состоялась?
- Потому что Фотий ван Кун вышел на тропу мести.
- Андрюша, понятнее!
- Я сам ни черта не понимаю. Никто ни черта не понимает. В любом случае археолог пропал без следа. В центре города, в двух шагах от Школы Знаний. И местные шерлоки холмсы убеждены, что он вместо Школы Знаний отправился воевать с каким-то местным кланом.
- А в самом деле?
- В самом деле его должны были охранять. В конце концов, если вы считаете себя цивилизованным государством, то надо как-то этому званию соответствовать. Его могли похитить для выкупа, могли убить, чтобы поживиться содержимым его карманов. Может быть, это какая-то акция изоляционистов. О них много говорят, но никто толком ни черта не знает.
- Ты говоришь, что могли ограбить. Или убить. Куда же делось тело?
- Не знаю. И надеюсь, что он жив. И завтра в консульство придет невинный молодой человек и оставит послание на палочке.
- Какое послание?
- По ритуалу, если совершено похищение, то похитители подкидывают родственникам красную палочку с зарубками – цифрами выкупа. Ты не представляешь, как здесь хорошо развита система безобразий.
- Ты раздражен?
- Мне хочется отсюда уехать. Здесь ничего нельзя! Даже жениться на любимой девушке я не могу, потому что она моя дочь по наследству! Я не буду объяснять – просто еще один идиотский ритуал.
- Может, тебе вернуться в Центр?
- Где каждый второй будет смотреть на меня и думать: ага, это тот самый Брюс!

* * *

В шесть – как раз стемнело – Андрей с Витасом поехали на ужин к Пругу Второму, наследнику Брендийскому. Это был официальный прием, и не посетить его означало нарушить сложную систему этикета. Витас не скрывал, что ему интересно побывать на ужине. Андрей был раздосадован, что ПетриА все еще не вернулась из космопорта.

Пруг прибыл в город в прошлом году и поселился в пустовавшей дыне – клановом доме.

Все подъезды к дому были заняты экипажами знати, и пришлось поставить космофлотский фургончик за углом, в переулке.

Дом Пруга был окружен зеленой изгородью по грудь высотой, в ней напротив входа был широкий проем, по сторонам которого стояли каменные колонны с гербами владения Брендийского на верхушках: человек, пронзенный копьем. Существовала старинная легенда о том, как много лет назад брендийский герой, пронзенный копьем насквозь, умудрился перебить сотню врагов и отстоять клановую твердыню. От колонн к лестнице тянулись в два ряда пятиножники с факелами. В смолу факелов был добавлен сок горных растений, и оттого они пылали зловещим фиолетовым пламенем. Горцы в коротких кольчугах и высоких шлемах, с копьями и автоматами в руках охраняли вход. У наследника Брендийского было немало врагов.

Они шли вдоль изгороди. Было почти темно. До освещенных колонн оставалось шагов пятьдесят, когда Андрей почувствовал что-то неладное. Жизнь в столице, где улицы ночью небезопасны, где с темнотой воцаряются законы мести, а наемные убийцы организованы в гильдию, не менее легальную и почтенную, чем гильдии ювелиров и астрологов, научила его осторожности. Конечно, как агент Космофлота, Андрей не имел клана и не подчинялся законам мести, но в темноте возможны недоразумения.

То ли черная тень шевельнулась за изгородью, то ли в воздухе вдруг воцарилась неестественная тишина, центром которой были Витас и Андрей, но Андрею вдруг стало холодно.

Неожиданно для самого себя он сделал быстрый шаг вперед, поставил ступню на пути Витаса, толкнул его и упал с ним рядом на булыжную мостовую.

Хотя Витас был моложе и тренированнее, он от неожиданности не успел среагировать на нападение.

– Что за черт! – Витас рванулся, отбросив Брюса. – Ты спятил?

– Извини, – произнес Андрей, тяжело поднимаясь. Он ушиб локоть.

Витас не слышал, а Андрей услышал, потому что прислушивался, как за изгородью пробежали быстрые шаги – мягкие кошащие шаги человека, обутого в толстые вязаные сапоги. Витас не слышал, но Андрей услышал, как взвизгнула комаром в воздухе тонкая отравленная стрелка. И звякнула почти беззвучно о стекло стоявшей сзади машины.

Андрей помог Витасу подняться.

– Андрей, ты можешь объяснить...

– Погоди, – сказал Брюс.

Он вытащил из кармана фонарик и посветил в сторону машины. Светить за изгородь не было смысла – там пусто.

Стрелка лежала на камнях возле машины. Наконечник был разбит о стекло. По стеклу тянулась струйка яда, желтого и густого, как мед. Стрелка была тоненькой и безвредной на вид. Андрей поднял ее. Витас молча наблюдал за ним. Он был сообразительным человеком. Как только понял, что странные действия Брюса имели смысл, он замолчал. Он ждал объяснений.

Андрей посветил на стрелку. Каждая стрелка имеет на древке клеймо. Такие стрелы – ими стреляют из духовых трубок – популярное оружие для сведения счетов в тайных войнах и при смертной мести. Но по законам чести нельзя стирать с древка клановый знак. Даже гильдия наемных убийц имеет свое клеймо.

Но на этой стрелке клеймо было соскоблено. Значит, покушение не имело отношения к кровной мести и не было делом чести.

– Пошли, – сказал Андрей.

Они дошли до колонны. Там стояли охранники Пруга. И стражник, который, конечно, ничего не заметил.

При свете факелов Андрей увидел, что его белый мундир испачкан. Мундир Витаса тоже пострадал.

– Ничего, – сказал Андрей. – Здесь это предусмотрено.

Он поднял руку, и к ним подбежал один из слуг. По движению руки – язык жестов здесь развит и даже изыскан – он понял, что нужно гостям. Он вытащил из ящика, висевшего через плечо, влажные щетки. Они впитывали рыжую пыль. Неподалеку с помощью другого слуги приводили себя в порядок две знатные дамы.

– Я не знаю, кто стрелял, – сказал тихо Андрей Витасу. – И не знаю даже, в кого из нас. И тем более не понимаю почему.

– У тебя отменная реакция. Я ничего не услышал.

Они вошли в вестибюль, к которому вела неширокая крутая лестница.

Вестибюль был круглым залом, занимавшим второй этаж тыквы. Из него наверх вели две винтовые лестницы. Там, на верхнем этаже, было приготовлено угощение.

Посреди вестибюля на троне с резной спинкой восседал Пруг Второй, наследник Брендийский, знатный изгнанник. Его рыхлое, грузное тело выплескивалось из пределов трона, обвисало по сторонам. Голову наследника украшал трехрогий колпак, символизирующий три самые высокие горы во владении Брендийском, тело было прикрыто несколькими разноцветными короткими плащами, и оттого он был похож на очень крупного младенца, одетого сразу в несколько распашонок. Каждый из плащей означал власть над тем или иным кланом. Сходство подчеркивалось тем, что толстые ноги наследника были обнажены и заканчивались золотыми башмаками.

За спиной Пруга стояли два телохранителя с ритуальными двойными копьями.

Гости подходили к хозяину и осведомлялись о здоровье.

Андрей с Витасом встали в очередь.

Впереди стоял министр Знаний с обеими супругами. Но пока гости не поздоровались с хозяином, этикет не позволял им узнавать друг друга.

Андрей оглянулся в поисках Ольсена. Тот стоял у стены и разговаривал с ВараЮ. Елена Казимировна на прием не пришла. Она не выносила необходимости подчиняться этикету.

Красочная толпа, медленно текшая по кругу, центром которого был трон – стоять на месте неприлично, – заслонила их от Андрея. Андрей провел ладонью по карману. Стрелка там.

– Я не ожидал такого счастья! – воскликнул с преувеличенной, как положено, радостью Пруг. – Покровители небесных кораблей почтили нашу жалкую хижину!

– Покровители небесных кораблей осчастливили нас! – громко повторил герольд, стоявший сбоку.

Андрею показалось, что толстяк чем-то встревожен. Его черные мышинные глазки суетились, убегали от взгляда, жирные пальцы дергались, перстни отбрасывали лучи.

– Как ваше драгоценное здоровье? – спросил Андрей.

– Я покорно приближаюсь к концу своего жалкого пути, – ответил Пруг, как того требовал этикет.

– Надеюсь, что смерть не придет за вами в ближайшее столетие, – ответил как положено Андрей.

– Моя единственная надежда – увидеть вас на моих похоронах, – сказал горец.

– Я не допускаю такой мысли, – сказал Андрей. – Умереть раньше – моя мечта.

Андрей встретил взгляд наследника Брендийского.

Непрозрачные глазки вонзились в его лицо.

Случайности здесь быть не могло, думал Андрей. Спутать нас с кем-то немыслимо. Никто, кроме нас, не наденет мундир Космофлота. И нас ждали. У самого дома. И именно в нужный момент.

Конечно, оставалась и другая версия. Кто-то из родственников ПетриА догадался, увидел, вычислил. И старается оградить честь семьи. Но даже беспутный брат никогда бы не упал до того, чтобы стереть клеймо на древке стрелы. А может быть, ты, Андрей, сказал себе агент КФ, нажил себе врага, не догадавшись об этом?

Витас тем временем также ответил на все вопросы. Из уважения к редкому гостю Пруг говорил на космолингве. Наследнику Брендийскому никто не посмел бы отказать в редком уме и редкой для этого мира образованности. Хотя, насколько было известно Андрею, толстяк никогда не покидал Пэ-У.

Дождавшись, когда Витас освободится, Андрей медленно повел его вокруг зала так, чтобы догнать Ольсена и ВараЮ. ВараЮ единственный в этом попугайном мире позволил себе прийти в дневной тоге. Если бы это сделал кто-то иной, это считалось бы смертельным оскорблением дому. Но ВараЮ показывал этим, что остается на службе. И если он обидел этим хозяина дома, то не дал ему формального повода обидеться. Знатные дамы перешептывались, шеголи морщились, но власть этого тихого, худошавого, очень спокойного человека была настолько весома, хоть и неочевидна, что вокруг него всегда образовывалось пустое пространство. Андрей знал, что ВараЮ незнатен и лишь силой незаметной настойчивости превратил столичную стражу в реальную, лишь ему подвластную силу.

Раскланявшись с полицейским и Ольсеном, пилоты пошли рядом. Они были центром внимания всего зала.

– Есть новые сведения, – сказал ВараЮ. – Наш осведомитель говорил с бродягой, который видел, как вчера вечером у Дальних причалов остановилась машина. Из нее вытащили завернутое в ткань тело. Тело сбросили с пирса в воду. Там глубоко, и на дне много коряг. Сейчас там мои водолазы.

– Почему вы думаете, что это связано с археологом? – спросил Ольсен.

– Клановой войны сейчас нет. Грабители не будут везти к озеру тело в машине. И не будут пользоваться стрелами.

– Чем?

– Отравленными стрелами. Это не оружие грабителей. А у стрелы, что нашли на пирсе, странная особенность...

– У нее стерто клеймо, – сказал неожиданно Андрей.

ВараЮ остановился. На него натолкнулся кузен премьера. В толпе произошла заминка. Пруг Брендийский резко обернулся.

– Простите, – сказал ВараЮ кузену премьера. – Я задумался.

Они шли молча. Может, минуту. Главный стражник молчал. Потом тихо и настороженно спросил:

– Почему ты сказал о стрелке?

– Потому что такая стрелка, со стертым клеймом, лежит у меня в кармане. В нас стреляли. Здесь, рядом с домом наследника.

Андрей осторожно, скрывая движение от любопытных глаз, вытащил из кармана стрелку и вложил в протянутую ладонь стражника. Стрелка тут же исчезла. Даже Ольсен этого не заметил.

– Почему они не попали? – спросил ВараЮ задумчиво.

Он был прав. Воины стреляли такими из духовых трубок без промаха. Этому учатся с детства.

– Я почувствовал, – сказал Андрей, – и упал.
ВараЮ кивнул. Он верил в интуицию.
– Ты упал? – услышал Ольсен. – Почему?
– Улицы плохо освещены, – сказал ВараЮ. – Очень плохо. Надо строго говорить в городском управлении.
– Да, – согласился Ольсен, – освещение никуда не годится.
ВараЮ пошел чуть быстрее, обгоняя Ольсена. И шепнул Андрею:
– Это была ошибка. Я уверен.
– Возможно, – сказал Андрей. – У меня нет врагов.

* * *

Пруг поднялся с трона. Мягко, но звучно шлепнул в ладоши.
– Мои слуги и жены, – произнес он, – приготовили недостойное гостей угощение. Мне вредно много есть, и я умоляю сжалиться надо мной и разделить со мной ужин.
В зале сразу стало шумно. Многие пришли сюда, чтобы полакомиться. Дом наследника Брендийского славился своими экзотическими блюдами.
Гости расступились, пропуская наследника.
Он резко повернулся, и в разрезах многочисленных распашонок сверкнула кольчуга. Случай невероятный – хозяин дома в кольчуге. Андрей взглянул на ВараЮ. Тот смотрел на наследника. Он тоже уловил блеск.
Появление столь знатного эмигранта добавило хлопот стражникам. Эмигранты с гор несли в город ярость клановых схваток, от которых за последние десятилетия в городе уже начали отвыкать.
Но и отделаться от Пруга было невозможно. Он принадлежал к одному из самых знатных семейств планеты, он происходил от расы гигантов, что прилетали в незапамятные времена с Ар-А. Он приходился племянником верховному жрецу богини УрО. Его следовало терпеть и ждать, пока он не падет жертвой очередного заговора или не вернет себе трон и благополучно отбудет бесчинствовать в горные долины.
Гости поднимались по лестницам, которые, кружа вдоль стен, вели на верхний этаж, где был сервирован низкий кольцеобразный стол.
Гостей встречали многочисленные слуги и вели их к местам.
Андрей видел, как Пруг быстрыми движениями дирижера подгонял слуг.
Андрея посадили в стороне от остальных землян. Зачем-то Пругу так было нужно. Витас тоже оказался в окружении чужих людей.
Внутри, в круге стола, расположились музыканты и танцоры. Танцоры переодевались, причесывались, музыканты ели и настраивали инструменты.
Одна из танцовщиц подошла к столу и взяла из вазы голубоватое шершинское яблоко.
Она улыбнулась Андрею. Это была очень известная танцовщица, он видел ее на десятке приемов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.